

доктор философских наук, профессор **Круглова Л.К.**
Санкт-Петербург.

Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики.

Осмысление феномена культурной политики предполагает учёт существенных характеристик обоих его компонентов – культуры и политики, а также необходимость и возможность их сопряжения.

В современной литературе существует множество подходов к определению политики. Достаточно сказать, что в фундаментальном академическом издании «Новая философская энциклопедия» (М., 2010 г.) на слово политика даны 3 статьи разных авторов (Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов, Т.А. Алексеева), причем в каждой из них, наряду с авторской позицией, представлен целый спектр взглядов относительно определения политики.

Представляется, что наиболее широко захватывает смысловое поле понятия «политика» определение, данное Г.Ю. Симигиным, который обосновывает положение о том, что политика – это “...наука и искусство жить в обществе, руководить им, управлять людьми, и она включает в себя:

- деятельность органов власти, объединений граждан и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, классами, нациями, большими группами людей, направленную на реализацию своих интересов и связанную с устремлениями к завоеванию, обладанию и использованию политической власти

- участие в делах государства, определение форм, задач, содержания его деятельности”¹

В этом определении наиболее существенным смысловым моментом является указание на то, что политика – это область взаимоотношений государств и различных социальных групп и что политическая деятельность имеет целью удовлетворение интересов социальных субъектов разного уровня.

Исходя из этого, культурную политику можно определить как особого рода деятельность, которая включает в себя такие компоненты как

- определение целей и направлений развития культуры в соответствии с интересами субъектов разного уровня (государств, различных социальных групп и т.д.)

- выбор средств достижения поставленных целей,

- организация и осуществление практических действий, направленных на достижение поставленных целей.

Дальнейшие шаги в осмыслении феномена культурной политики и её значения в жизни общества связаны с тем или иным пониманием культуры.

К настоящему времени в культурологии сложилось несколько подходов к определению культуры. Проблему культурной политики можно рассматривать как результирующий способ оценки их методологического потенциала. Так, согласно эвристическому подходу (название условное) сущность культуры усматривается в творчестве и, соответственно, в свободе, поскольку творчество является высшим выражением человеческой свободы. Совершенно очевидно, что в этой концепции подчёркиваются важные, действительно существенные стороны культуры, а именно: всё, что существует в культуре, когда-то было сделано впервые, и в этом смысле можно считать, что вся культура действительно является результатом человеческого творчества. Исходя из этого, главной целью культурной политики можно считать всемерное содействие всем видам творчества. Все остальные компоненты культурной политики — цели и средства, организация и осуществление практических действий — должны соответствовать поставленной цели. Как нетрудно заметить, эвристическая концепция способна дать довольно отчетливый ответ на вопрос о цели культурной политики, который, к тому же, хорошо коррелируется с целями и задачами инновационного развития общества.

Однако следует отметить, что эвристическая концепция отсекает от культуры не менее существенную её часть, чем творчество, а именно: она «проходит мимо» такого необходимого признака культуры, как повторение, усвоение ранее добытого опыта и знаний, следование обычаям, традициям, нормам, правилам. Без всего этого культура невозможна, и следовательно, культурная политика, игнорирующая этот «стабилизационный» момент культуры, обречена на провал.

Весьма влиятельной концепцией является аксиологическая, согласно которой культура есть совокупность духовных и материальных ценностей. Этот подход позволяет определить само «вещество», из которого состоит культура, её субстрат. Таковыми действительно являются ценности. Если изъять из культуры ценности, то от неё ничего не останется.

Совершенно очевидно, что важнейшей целью культурной политики с точки зрения аксиологического подхода является сохранение ценностей культуры. Однако проблема развития культуры остаётся в этом случае в стороне. Недостаток аксиологического подхода можно усмотреть в том, что культура с этой точки зрения предстаёт как некий «склад» ценностей; нет движения, непонятно, по какому принципу разложены ценности по полкам.

Совершенно очевидно, что эти принципы и, соответственно, более отчетливые контуры культурной политики нужно искать в рамках других подходов.

Не менее, а быть может, и более влиятельной, чем аксиологическая, является семиотическая концепция, согласно которой культура есть система знаков, кодов, шифров, образующая искусственно созданную человеком реальность. В этой концепции отмечен важнейший момент культуры, а

именно сама форма её существования, её бытования. Однако, вопрос о том, по каким законам формируется содержание культуры, то есть смыслы, которые выражаются различными языками культуры, остаётся открытым. Поэтому для формулировки целей культурной политики семиотическая концепция может дать весьма немного. Речь может идти о сохранении или, напротив, изменении языков культуры. Но на вопросы, что сохранять, в каком направлении изменять сторонники семиотической концепции, если они настаивают на её самодостаточности, не могут дать ответа.

Ситуация не меняется и в том случае, когда сторонники семиотического подхода определяют свой подход как информационно-семиотический. Культура в этом случае трактуется как знаковая система, функцией которой является транслирование социальной информации. Однако, вопрос о том, как формируются информационные потоки, куда они направляются и куда должны быть направлены, остается без ответа, и потому формулировка целей культурной политики с позиций информационно-семиотического подхода, остаётся столь же затруднительной, как и с позиций семиотического подхода.

Значительно расширяет возможности определения и понимания культуры деятельностный или технологический подход, с позиций которого культура определяется как совокупность способов и результатов человеческой деятельности. Однако, предельно широко захватывая «поле культуры», в чем состоит главное достоинство технологического или деятельностного подхода, он всё-таки не даёт достаточно чётких ориентиров для формулировки целей культурной политики.

Существенный вклад в постижение сущности культуры вносит функциональный подход, с позиций которого культура определяется как внебиологически выработанный способ человеческой жизнедеятельности. Здесь содержится указание на тот бесспорный факт, что человек является таким живым существом, которое не может существовать в природе в своём естественном состоянии. Всё необходимое для жизни — пищу, одежду, жилище, знания, нормы и правила поведения в обществе — ему даёт культура, то есть то, что создаётся искусственно. С этой точки зрения функцию культуры можно назвать витальной, то есть жизнеобеспечивающей.

Таким образом, функциональный подход даёт возможность ответить на существеннейший вопрос,- зачем, собственно, нужна культура и соответственно, зачем нужна культурная политика: коль скоро культура выполняет жизнеобеспечивающие функции, то и определение целей и направлений её развития, выбор средств, организация и осуществление практических действий, способствующих их достижению, также имеют жизненное, витальное значение.

Однако сторонники функционального подхода зачастую склонны рассматривать культуру как некую самодовлеющую сущность. В связи с этим остаётся неясным, как именно культура выполняет свои жизнеобеспечивающие функции, и, соответственно, контуры культурной политики не могут обрести необходимой чёткости.

Ситуацию существенным образом меняет антропологический подход, с позиций которого культура определяется как способ саморазвития человека. Здесь содержится указание на то, что главной функцией культуры является творение, созидание человека. Наряду с этим в определении культуры как способа саморазвития человека содержится и указание на социальную функцию культуры, на ту роль, которую культура играет относительно общества.

Для того, чтобы доказать это, надо вспомнить, что общество есть не что иное, как люди, связанные между собой определёнными, исторически конкретными отношениями. Иными словами, «субстрат», то есть «вещество», из которого состоит общество, - это люди и отношения между ними.

Вполне понятно, что чем более знающими, умелыми, деятельными будут люди, составляющие то или иное общество, тем оно будет более богатым и жизнеспособным. В не меньшей степени это зависит от того, каковы отношения между людьми, способствуют ли они самосохранению общества или, наоборот, подтачивают его изнутри.

А ведь всё это: накопление знаний, умений, выработка правил поведения между людьми — дело культуры. Таким образом, антропологический подход существенным образом дополняет функциональный подход, указывая, что свои жизнеобеспечивающие функции культура может выполнять одним единственным способом — развивая человека.

Точно так же дело обстоит и с другими основными подходами к определению культуры. Антропологический подход не отрицает ни одного из них, не противостоит ни одному из них. Его содержание и смысл позволяют включить в него содержание и смысл других подходов как существенное дополнение, использовать их методологический потенциал, в том числе и в решении проблемы культурной политики.

Так, в отличие от эвристического подхода, антропологический подход позволяет рассматривать в качестве культурных феноменов не только творчество, но и репродуктивную деятельность, то есть повторение, усвоение, использование ранее созданного.

Отношение взаимодополнения связывает антропологический подход и с аксиологическим подходом, поскольку антропологический подход позволяет ответить на вопрос, неразрешимый с позиций аксиологического подхода, а именно: как и в зависимости от чего формируются системы ценностей, характерные для той или иной культуры. С позиций антропологического подхода содержание и смысл ценностей любой культуры формируется в первую очередь от того, какие человеческие качества признаются наиболее важными для того или иного общества.

Особенно часто антропологическому подходу противопоставляется семиотический подход. Однако и здесь мы видим не отношение взаимоисключения, а отношение взаимодополнения, поскольку антропологический подход показывает, что содержание культуры,

облекаемое в различные семиотические формы, связано в первую очередь со свойствами человека, потребными тому или иному обществу.

Связь между антропологическим подходом и технологическим более очевидна, чем со всеми остальными, поскольку и там, и там речь идёт о человеке, в связи, с чем технологический или деятельностный подход часто называют антропологическим. Однако технологический подход оставляет без ответа вопрос о конечной и высшей цели человеческой деятельности, тогда как с точки зрения антропологического подхода, в той его интерпретации, которая имеется в виду в данной работе, конечной, высшей целью человеческой деятельности является развитие самого человека.

Таким образом, из всех проанализированных ранее походов к определению культуры наиболее предпочтительным с точки зрения осмысления феномена культурной политики является антропологический подход, с позиций которого главной целью культурной политики является развитие и реализация человеческого потенциала как главного ресурса того или иного общества. Нельзя не отметить при этом, что антропологический подход в последнее время получает признание не только в сфере культурологии, но и в сфере политологии².

Однако теоретико-метеорологические возможности антропологического подхода могут быть реализованы при наличии, по меньшей мере, двух условий. Первое из них – это его концептуальная разработка, которая дала бы возможность осмыслить, как именно благодаря культуре происходит реализация человеческого потенциала, каковы те свойства человека, которые развивает культура.

Второе необходимое условие максимально плодотворной реализации возможностей антропологического подхода – это превращение его в антропологический принцип построения культурологического знания. Это станет возможным в том случае, если антропологический подход, в его развитом, концептуально оформленном виде будет использоваться на всех этапах изучения культуры: при изучении её структуры и функций, её истории, и, что особенно важно, при построении модели должного состояния дел в области культуры. Только на такой основе можно выстроить эффективную культурную политику.

Концептуализация представлений о качествах и свойствах человека, развиваемых культурой, возможна на основе категории «сущностные силы человека». У некоторых исследователей оно вызывает недоверие на том основании, что оно связано с марксистской традицией. В связи с этим вспоминается известная притча о некоем племени, которое меняло свой язык всякий раз после того как умирал очередной вождь. Это племя, в конце концов, вымерло, и вряд ли стоит ему уподобляться.

Следующий этап осмысления проблемы, какие именно черты и свойства человека развивает культура – это решение вопроса о структуре сущностных сил человека. Надо отметить, что уже имеющиеся ответы на этот вопрос, при всех различиях, содержит в себе некий инвариант, заключающийся в том, что необходимыми элементами структуры

сущностных сил человека признаются способности, потребности, интересы, знания и умения. При этом предлагается ещё деление сущностных сил по носителю (индивидуальные и общественные) и по видам (производительные, политические и духовные)³, различение понятий функционального уровня сущностных сил (биологический, социологический, психологический) и их внутренних детерминант (потребности, возможности, жизненная позиция⁴), выделение в качестве элементов структуры потенциальных сил (способности), побудительных мотивов (потребности, интересы, целеполагание) и собственно человеческой деятельности⁵.

Отдавая должное определённым методологическим потенциалам каждой из предложенных схем, нельзя в то же время не отметить, что «портрет» базового для данной культуры типа человека, выполненный на основе этих концепций, получается несколько расплывчатым, есть опасность увязнуть в перечислениях разного рода способностей и потребностей. Совершенно очевидно, что эти понятия нуждаются в некоем категориальном каркасе, который более прочно связал бы их воедино.

Один из путей выстроить этот каркас – оттолкнуться от идеи принципиальной двойственности человека, которая проявляется многообразно.

Так, человек является уникальным существом, которое представляет собой единство материи и духа. «Телесность» и «духовность» являются сущностными силами человека.

Двойственность человека и его уникальность выражается также в том, что он является субъектом, т.е. сознательным источником активности, и одновременно объектом, т.е. тем, на что направлена активность других людей, на что действуют природные, социальные и культурные силы и обстоятельства. «Субъектность» и «объектность» также могут рассматриваться как сущностные силы человека.

Важное для человека проявление его двойственности заключается также в том, что каждый человек является частицей космоса, универсума, носителем общечеловеческих, родовых качеств, свойственных всему виду *Homo sapiens*, и в этом смысле он есть нечто универсальное. В то же время каждый человек неповторим и универсален и в этом смысле он нечто «индивидуальное». Сквозь призму этих категорий также можно рассматривать сущностные силы человека.

Наиболее часто обсуждаемое проявление двойственности человека – единство в нем биологического и социального. Биологическое в человеке – биологические инстинкты, биологические потребности, данные ему природой способности – это его сущностные силы. Способность и потребность жить в обществе – «социальное» – тоже сущностная сила человека.

Другой угол рассмотрения сущностных сил человека могут дать категории «общественное» и «личное». Выше категория «общественное» (социальное) рассматривалась в соотношении с категорией «биологическое» и под общественным подразумевалось то в человеке, что создано обществом,

исключая то, что дано природой. В соотношении с категорией «личное» категория «общественное» приобретает несколько иной смысл и обозначает то в человеке, что связано с обществом и не принадлежит данному, конкретному человеку, то есть личности. При использовании этих категорий особую содержательную ёмкость получает такой элемент сущностных сил человека как интересы. Хорошо известно, что согласование общественных и личных интересов – большая и сложная задача любого конкретного социума и любой конкретной культуры. Крайности в её решении губительны и для личности и для общества. Так, если культура, интересах общества, воспитывает у человека пренебрежение к личным интересам, это приводит к оскудению личности и, следовательно, к истощению главного общественного капитала, каковым является человек. Если же культура делает упор на личные интересы человека в духе «своя рубашка ближе к телу» и не дает человеку понимания интересов общества и умений действовать так, чтобы их соблюдать, даже если это требует некоторого ущемления личных интересов, в обществе воцаряется анархия и, в конце концов, такое общество тоже гибнет.

Каждая из названных выше категорий – телесное-духовное, субъектное-объектное, индивидуальное-универсальное, биологическое-социальное, личное-общественное, - предоставляет возможность рассмотреть человека целиком, полностью, а также всю совокупность его сущностных сил.

Существенные черты человека мы увидим и в том случае, если обратим внимание на двойственность одной из названных выше его сущностных сил – его духа. Одну из сторон человеческого духа характеризуют такие понятия как ум, интеллект, мысль, разум. Ими обозначают такие сущностные силы человека как умение логически мыслить и излагать свои мысли, рационально действовать, вести себя разумно. Эту сторону человеческого духа можно обозначит понятием «рациональное». Другую, не менее существенную сторону человеческого духа – чувства, эмоции – можно обозначить как «эмоциональное». В русской философии в этом случае использовалось понятие «сердце».

Итак, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это: телесное и духовное (тело и дух), объектное и субъектное (тварное и творческое), биологическое и социальное (животное и личность), индивидуальное и универсальное (микрокосм и макрокосм, я и универсум, я и род), общественное и личное (наше и мое), эгоизм и коллективизм, рациональное и эмоциональное (ум и сердце).

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство (“силу”) человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, ему противоположным. Каждое конкретное общество, на каждом конкретном этапе своего развития имеет определенные потребности и возможности развития этих сущностных сил человека. В соответствии с этим оно, используя механизмы культуры, стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни, порождает те, которых не существовало ранее. Этот

ансамбль сущностных сил человека, которые культивируются на том или ином этапе социокультурного развития, есть не что иное как антропологическая структура культуры, или "базовый" тип человека.

Таким образом, понятие "антропологическая структура культуры" или "базовый тип человека", позволяет понять, на какой тип человека "нацелена" та или иная культура, какие человеческие качества развивает, на какие смотрит неодобрительно, а какие и вовсе не могут развиваться в рамках той или иной культуры.

Однако общество не есть аморфная масса, оно само структурировано, то есть состоит из отдельных социальных групп. Каждая из них имеет определенные функции и определенные связи и взаимоотношения с другими группами. В соответствии с этим люди, входящие в состав этих групп, должны различаться по своей культурной "оснастке". Отсюда - социологический срез структуры культуры. Речь идет о том, что каждая социальная группа, вплоть до отдельного класса отдельной школы или отдельной компании имеет культурное своеобразие, то есть, иначе говоря, "культурная карта" общества соответствует карте его социальной структуры. При этом культура отдельной социальной группы является по отношению к культуре общества в целом субкультурой (лат. sub - под).

Исходя из всего сказанного выше, можно с позиций концептуализированного антропологического подхода дать следующее развернутое определение культуры: **культура это «исторически определённая система способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующая в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности»⁶.**

Исходя из этого определения, можно сформулировать главную цель культурной политики, которая заключается во всемерном развитии сущностных сил человека. Такая цель способна стать основой для объединения всех субъектов культурной политики, в том числе и в глобальном масштабе.

Последнее обстоятельство имеет особое значение, поскольку важнейшим ориентиром культурной политики должна стать необходимость адекватного ответа на глобальные вызовы современности. Среди них обычно называют кризисное состояние мировой экономики и окружающей человека природной среды, угрозу мировой войны, непрекращающиеся локальные войны, терроризм и антропологический кризис, который выражается в ценностной дезориентации человека, его неспособности адаптироваться к изменяющейся действительности, наконец, что самое главное, неспособности решить все названные выше проблемы.

Именно это обстоятельство – растерянность человека перед лицом стоящих перед ним проблем – заставляет предположить, что антропологический кризис, о котором обычно говорят в последнюю очередь, должен стоять на первом месте в ряду глобальных проблем современности.

Отсюда следует, что в соответствии с этим культурная политика, ставящая своей целью развитие и реализацию человеческого потенциала,

способствует решению не только внутренних проблем стран и регионов, но и стратегических задач глобального масштаба.

Однако, будучи сформулирована в столь общем виде, такая цель может остаться всего лишь лозунгом с очень незначительным практическим эффектом. Необходима конкретизация абстрактного призыва к развитию сущностных сил человека.

Это возможно на путях построения теоретической модели должного состояния культуры.

Автору этих строк приходилось неоднократно возражать противникам этой идеи, которые видят в модели должного состояния культуры угрозу человеческой свободе⁷. Между тем, теоретическая модель должного состояния культуры не есть свод жёстких правил поведения, а, напротив, гибкая конструкция, определяющая основные целевые параметры состояния культуры, соответствующие тем требованиям, которые предъявляются к человеку современной действительностью.

При этом речь идёт не только о российской или западной и восточной культурах, но и о глобальной культуре, складывающейся в ответ на вызовы современности.

Первый шаг в построении теоретической модели должного состояния культуры – определение её структурных параметров.

Поскольку важнейшей функцией культуры с позиций антропологического подхода является человекотворческая функция, то представляется необходимым, прежде всего, рассмотреть антропологический срез структуры теоретической модели должного состояния культуры или её антропологическую структуру, т.е. определить, какие именно черты и свойства человека наиболее востребованы современной действительностью.

Анализ причин современного экономического кризиса приводит многих исследователей к выводу, что в основе его лежит несоответствие новым реалиям одной из важнейших парадигм западной культуры, которая заключается в провозглашении принципиального превосходства “личного”, “приватного”, “частного”, над “коллективным”, “общественным”. Так, К.С. Гаджиев констатирует, что “родовое противоречие современного западного общества состоит скорее не в выборе, а в конфликте между коллективными и частными началами”⁸. Анализ хода развития экономического кризиса на Западе, в США, откуда он начался, и на Востоке, в частности, в Китае, где он сказался в наименьшей степени, приводит К.С. Гаджиева к выводу, что “...XXI столетие будет веком тех народов и культур, которые сумеют достичь оптимального синтеза индивидуалистического и коллективистского, западного и восточных начал.”⁹

Как нетрудно заметить, соединение личных (эгоистических) начал и общественных (коллективистских) есть путь решения не только экономических проблем, но и экологических, поскольку именно безудержное стремление к достижению личной выгоды зачастую и является основной причиной действий, несущих угрозу состоянию природной среды.

Не надо слишком настойчиво доказывать, что гармонизация “личного” и “общественного” есть одновременно и способ гармонизации отношений между отдельными индивидами и между человеческими сообществами.

Принципиальное значение для судеб мировой цивилизации имеет изменение культурной матрицы в том её пункте, который связан с культивированием сущностных сил человека, обозначаемых категориями “субъектное” – “объектное”.

Как известно, западная модель культуры построена на принципе примата “субъектного” начала над “объектным”. Этот принцип фундирует экономические отношения, построенные на рынке, свободной конкуренции, минимальном вмешательстве государства в экономику. Однако, протестантская религия и соответственно протестантская этика уже на заре существования капитализма серьезно ограничила произвол в проявлении субъектных свойств человека правилами, совокупность которых получила название “внутримирской аскезы” – трудолюбие, бережливость, семейная и половая дисциплина. Страны и народы, развивавшие свою экономическую деятельность на этой культурной основе, являются в настоящее время наиболее благополучными в плане благосостояния граждан.

Однако экономический кризис показал недостаточность сдержек и противовесов субъектному произволу в виде запретов и предписаний протестантской этики. Совершенно очевидной стала необходимость ограничения свободы субъекта в виде жёсткого регулирования со стороны государства. На культурное сознание западного человека эта идея имеет шоковое воздействие. То обстоятельство, что подобная ситуация уже имела место в США в 30-е годы XX века, в послевоенной ФРГ, не смягчает остроты культурного шока, поскольку государственное регулирование в США, пораженных великой депрессией, или ФРГ, разрушенной в ходе второй мировой войны, воспринималось как временная мера, необходимость в которой более никогда не возникнет.

Современный же экономический кризис показывает, что государственное регулирование - необходимое дополнение к рыночной экономике, и его отсутствие как раз и приводит к кризису.

Одновременно с этим обращает на себя внимание, что экономика наиболее развитых стран Азии и, в первую очередь, Китая развивается на сочетании двух начал – государственного регулирования и рынка. В этих условиях не потребовалось вводить государственное регулирование в качестве экстренной меры, поскольку оно уже было, и во время мирового кризиса экономика этих стран не деградировала, но продолжала успешно развиваться.

Что касается российской ситуации, то в этом случае, как и во многих других, она характеризуется наличием крайне противоречивого исторического опыта. Это опыт существования в условиях, с одной стороны, жесткого ограничения субъектности со стороны государства во всех сферах человеческой деятельности, что имело место в течение почти всех 70 лет

Советской власти, с другой - отсутствие не только ограничений, но и необходимого регулирования – в постперестроечный период (90-е годы XX века) и, наконец, попытки соединить действие механизмов государственного и рыночного регулирования – в первое десятилетие XXI века.

Социокультурная ситуация в России 90-х годов XX века буквально развязала человеческую субъектность, которая, будучи оставлена “без руля и без ветрил” зачастую принимала уродливые формы. Полученной свободой ловко воспользовались воры, бандиты, рвачи, мздоимцы, коррупционеры всех мастей. Кроме того, весьма активно повели себя люди, не имеющие таланта, способностей и навыков к созидательной деятельности и потому облакавшие и облакающие свою субъектность в форму разрушения, низвержения, уничижительной критики всего и вся.

В то же время «человек массы» в своем собственном сознании представляет себя в основном как “объект” различного рода внешних воздействий и ведет себя соответствующим образом: не проявляет инициативы, в решении всех проблем, в том числе личных, ожидает помощи со стороны, излишне большие надежды возлагает на программирующую деятельность государственных органов.

Таким образом, налицо некоторая “субъектная ущербность” российского человека в постперестроечной России. С одной стороны, она проявляется в широком использовании антиобщественных форм субъектности, а с другой – в отсутствии всякой инициативы, боязни взять на себя ответственность, недоверии к новизне и т.д.

И здесь можно поспорить с профессором Лоуренсом Харрисоном, одним из авторов концепции «культура имеет значение». Л.Харрисон видит одну из главных характеристик сложившейся в России социокультурной ситуации в отсутствии свободы. «Ваша страна не свободна, большая часть СМИ зависят от государства»¹⁰, - говорит он в интервью журналу Новое время (The News Times). Видимо, проф. Харрисон располагает не вполне достоверной информацией, поскольку, как представляется, на самом деле свободы у нас предостаточно, не хватает только умения или желания пользоваться ею. Что касается СМИ, то они в большинстве своём как раз и являют пример злоупотребления свободой.

Однако, вместе с тем, нельзя не согласиться с проф. Харрисоном в главном. Успех страны в экономическом развитии, полагает он, базируется на поощрении труда, культа успеха, экономности¹¹. Обращает на себя внимание, что проф. Харрисон выдвигает на первое место труд и лишь на второе место – успех. То есть речь идет не об успехе как таковом и достигнутом любой ценой, а об успехе как результате труда. Вот это и есть, как представляется, формула субъектности, которая должна стать одной из парадигм глобальной культуры: созидательный творческий труд как основа и залог жизненного успеха.

Экономность тоже может быть включена в формулу субъектности, поскольку она демонстрирует способность к самоограничению, т.е. способность быть властителем собственных желаний. К тому же надо

добавить, что человек, добившийся успеха собственным трудом, не нуждается в демонстрации внешних признаков успеха – яхт, вилл, бриллиантов и т.п. Расточительность – это черная метка тех людей, которые завладели богатством нетрудовым путем.

Новые требования предъявляет современность и к способности человека быть не только источником активных действий, т.е. субъектом, но и к его способности быть пластичным объектом внешних воздействий – закона, государственного регулирования, элементарных правил поведения. Более того, в период кризиса речь зашла о «дилемме глобального управления», которая заключается в том, что объектом внешнего воздействия становятся не отдельные люди и социальные группы, а государства, т.е. субъекты мировой политики. Таким образом, субъектно-объектная двойственность перестаёт быть только культур-антропологической проблемой и превращается в проблему мирового развития, решение которой в немалой, а, может быть, и в решающей степени зависит от культурного императива на гармонизацию субъектных и объектных свойств человека – его способности быть творцом и способности быть творимым, т.е. подчиняться, быть дисциплинированным, соблюдать определенные правила и нормы.

Важные параметры антропологической структуры теоретической модели должного состояния культуры – требования, предъявляемые к содержанию и характеру взаимодействия между сущностными силами человека, обозначаемому категориями “индивидуальное” – “универсальное”. Особенность современного этапа развития культуры заключается в том, что человек впервые в истории получил реальную возможность расширить границы своей универсальности до общечеловеческих масштабов.

В последнее время в проблематику “индивидуальное” – “универсальное” активно вторгается тема патриотизма¹². При этом одни считают, что патриотизм – это атавизм, пережиток, мешающий человеку подняться до высот общечеловеческого, универсального, другие же, напротив, полагают, что патриотизм – непреходящая ценность, а общечеловеческое, в том числе и общечеловеческие ценности, – это в лучшем случае фантом, а в худшем – зловредная выдумка, цель которой – покушение на суверенитет тех стран, народов, культур, которые по недомыслию присоединятся к идеям «общечеловеков».

Между тем патриотизм как чувство любви к своей Родине не только не мешает, но, напротив, способствует признанию общечеловеческих ценностей и включению человека в контекст универсального, общечеловеческого, поскольку помогает понять другого человека, испытывающего чувства любви к своей Родине, к своему народу. В равной степени способствует этому и другая ипостась патриотизма – патриотизм как деятельность, направленная на благо своей страны. Такой патриотизм направлен на увеличение того вклада, который вносит та или иная страна в развитие человечества и тем самым делает человека участником

общемировых процессов. Исходя из этого, можно рассматривать патриотизм как универсальную ценность глобальной культуры.

Для определения масштабов универсальности, которые стали возможными для современного человека, некоторые исследователи и публицисты предлагают использовать концепты “космополит”, “космополитизм”. Согласиться с этим предложением мешает то обстоятельство, что слова “космополит”, “космополитизм” в российской культуре отягощены смыслами, тесно связанными с репрессивным контекстом, с употреблением их в качестве политических ярлыков. Представляется, что сохранение позитивного смысла и устранение неприятных ассоциаций возможно, если для обозначения масштабов универсальности современного человека использовать концепт «человек глобальный». К тому же он хорошо сочетается с концептом «глобальная культура».

Одной из характеристик “человека глобального” должен стать новый подход к решению проблемы “телесное” - “духовное”, заключающийся не только в гармонизации отношений между этими сущностными силами, но и в создании нового качества “телесности” и нового качества “духовности”. В соответствии с этим от культуры должен исходить императив, провозглашающий здоровое и красивое тело большой культурной ценностью.

При этом надо иметь в виду, что культивирование тела, как всякое самоусовершенствование, есть одновременно и один из способов самореализации и самоутверждения человека, т.е. развитие такой его сущностной силы как способность быть субъектом. Физически и эстетически привлекательное тело является, кроме того, одной из граней человеческой индивидуальности.

Новое качество должна обрести и человеческая духовность. Это касается в первую очередь характера взаимоотношений между её компонентами – рациональное и рациональность (способность мыслить, ставить себе цели, выбирать средства и осваивать способы их достижения) и эмоциональное, эмоциональность (способность чувствовать).

Как известно, новоевропейская культура зиждется на декартовском принципе «я мыслю, следовательно, я существую». Как один из признаков осознания односторонности этого принципа можно рассматривать эпиграф к сборнику стихов А. Вознесенского “Соблазн” – «я чувствую, следовательно, существую»¹³. Вероятно, современное решение этой проблемы возможно по формуле: «я мыслю и чувствую, следовательно, существую».

От эмоциональной сферы в большой степени зависит творческий потенциал личности вообще, поскольку она помогает человеческому духу освободиться от цепей простой однозначности, она как ничто другое определяет степень яркости человеческой индивидуальности.

Широкий спектр проблем связан с определением параметров антропологической структуры глобальной культуры, обозначаемых категориями “биологическое» - «социальное”.

Функции культуры в осуществлении взаимодействия биологического и социального в человеке многообразны. Важнейшая из них - облагораживание исходных, биологических по своей природе моментов в человеческой деятельности (евгеническая функция). Так, социобиологи весьма впечатляюще показывают биологическую подоплеку альтруизма. В связи с этим возникает мысль об ответственности культуры, призванной облагородить, по-человечески оформить этот источник таких отношений между людьми, как взаимопомощь, взаимовыручка, самоотверженность. Биологичны в своей основе также и состязательность, конкуренция, чувство хозяина, чувство общности и т. д., и нужно научиться строить гармоничное здание человеческой жизни не в стороне от этого фундамента, а на нем.

Определение параметров антропологической структуры есть одновременно определение целевых ориентиров развития культуры, что и является первым этапом в выработке принципов культурной политики.

Обобщая и переводя всё сказанное ранее с языка абстрактных категорий на язык практики, можно сказать, что главной целью культурной политики должно стать формирование человека трудолюбивого, творческого, стремящегося к успеху и личному благополучию, но при этом ответственного и патриотичного.

Следующий шаг в выработке принципов культурной политики – выбор средств в достижении поставленных целей. При этом в первую очередь надо иметь в виду, что важнейшая сфера самореализации и развития сущностных сил человека – это труд. Однако осуществление человекотворческой функции труда невозможно только за счет мер социально-экономического свойства – таких как ликвидация безработицы, повышении уровня заработной платы, улучшение условий труда и т.д. и т.п. Здесь необходима апелляция к культуре, в связи с чем выдвигается идея «духовно-ориентированной» экономики, для осуществления которой, что вполне понятно, должна работать все сферы культуры.

Сферой развития человека и его сущностных сил, не менее важной, чем труд, является и политика. Однако и здесь необходимость апелляции к культуре совершенно очевидна, поскольку человекотворческий потенциал политики реализуется в той мере, в какой политика связана с культурой. В самом общем виде можно сказать, что на достижение поставленных целей должны работать вся система культуры.

Определение параметров антропологической структуры есть одновременно определение целевых ориентиров развития культуры.

В соответствии с этим должно измениться содержание каждой из её сфер, характер субординационных и координационных связей между ними. Решение этих вопросов есть следующий этап построения теоретической модели должного состояния культуры.

Системообразующими сферами культуры обоснованно считаются мораль, искусство, наука, и именно с них нужно начинать обсуждение вопроса о том, какую лепту должна вносить каждая сфера культуры в

решение тех проблем, которые сформулированы в ходе предыдущих этапов построения теоретической модели должного состояния культуры.

Однако, для остроты сюжета, имеет смысл начать не с этой традиционной точки зрения, а с уяснения того, какое место занимает и должна занимать в современной культуре религия. На этот счет существует широкий спектр мнений: от утверждений, что религия играет в современной культуре ничтожную роль, и её вес должен быть максимально увеличен, до утверждения, что религия играет слишком большую и не всегда благотворную роль, и задача заключается в том, чтобы несколько потеснить её. Эти мнения варьируются при оценке состояния дел в каждой отдельной культуре, в чем можно убедиться на примере России. И здесь опять можно поспорить с проф. Л. Харрисоном, который в уже упомянутом интервью журналу «Новое время» утверждал, что в России “неоправданно сильным влиянием обладает церковь и это влияние распространяется как на граждан, так и на государство”¹⁴. Это, по мнению проф. Харрисона, является одной из тех культурных традиций, которые тянут граждан и страну в целом назад. По всей видимости, здесь опять-таки сказывается недостаток информации, которой располагает проф. Харрисон. На самом деле избытка влияния религии и церкви как её института в России нет. Более того, можно утверждать, что в России сейчас религия занимает то место, которое она и должна занимать – не больше и не меньше. Речь идет о том, что в настоящее время в России наблюдается достаточно уважительное отношение ко всем конфессиям, то есть к религии как таковой. Это вполне соответствует теоретическим представлениям о тех функциях, которые может и должна выполнять религия в современной культуре. Важнейшая из них – мировоззренческая. Об этом превосходно сказано А. Тойнби, который понимал религию как «отношение к жизни, которое создает возможность людям справиться с трудностями человеческого бытия, давая духовно удовлетворительные ответы о тайне вселенной и роли в ней человека и предлагая практические предписания относительно жизни во вселенной»¹⁵.

Роль религии можно считать беспрецедентной и в другом отношении – как хранительницы традиций. В обществе, устремленном к инновациям, эта функция особенно важна, поскольку позволяет поддерживать должную меру устойчивости, стабильности.

Однако, вместе с тем, не стоит не только преуменьшать, но и преувеличивать роль религии в современной культуре. Это случается, когда на религию возлагается бремя выполнения всех тех задач, которые в своей совокупности по силам лишь культуре в целом, и в первую очередь её системообразующим сферам - морали, искусству и науке.

Содержание норм и ценностей морали имеет непреходящее значение для любого общества, поскольку оно определяет характер отношений между людьми. Значение морали усиливается за счет особенностей её локализации в пространстве культуры: не имея собственной территории, она входит как составная часть во все другие сферы культуры. И, наконец, ещё одно обстоятельство придает морали особый вес в системе культуры: дело в том,

что субъектом нравственной деятельности является каждый член общества, независимо от своей социальной принадлежности, уровня духовного развития и других признаков.

Если снять леса теории, выстроенные в предыдущих разделах статьи, то обнажатся несущие конструкции здания морали, соответствующей глобальным задачам глобальной культуры. Важнейшей из этих конструкций является идея о необходимости возвести в ранг основного критерия нравственной состоятельности субъекта его умение сочетать свободу в осуществлении своих действий с ответственностью за них, его способность к самоограничению в тех случаях, когда его свобода угрожает свободе другого.

Другой несущей конструкцией здания глобальной культуры должна явиться, как представляется, идея о высочайшей моральной ценности созидательного творческого труда.

И, наконец, ещё одной несущей конструкцией здания глобальной культуры является идея любви как нравственно-этической основы взаимодействия людей и отношения человека к окружающей среде.

Однако как можно преодолеть расстояние между теоретическими представлениями о нормах морали и реальной жизнью, практикой?

Как известно, к числу особенностей морали как сферы культуры относится её слабая институционализация. Поэтому во все времена и у всех народов представления о моральных нормах и ценностях транслировались в реальную жизнь через другие сферы культуры, имеющие мощную институциональную базу. Важнейшим из них была религия, о чём речь шла ранее. Другой сферой, функцией которой являлось формирование морального сознания, была, есть и всегда будет сфера воспитания и образования подрастающего поколения. И, наконец, важнейшей сферой, функция которой давать «зримый образ» человека, каков он есть и каким он должен быть, это искусство. Иначе говоря, специфика искусства заключается в том, что программирующую функцию, которую выполняет вся культура в целом, искусство выполняет только ему присущим способом – через создание художественных образов, через воздействие на эмоциональную компоненту человеческой духовности. Нельзя не вспомнить при этом «наше всё» - А.С. Пушкина. “И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал”.

Если посмотреть с этой точки зрения на современное искусство, то мы увидим, что его творцы почти поголовно, за немногими исключениями, отказались возбуждать «чувства добрые» и взялись возбуждать «чувства недобрые». При этом деятели современного искусства ссылаются на то, что искусство не может и не должно играть никакой роли, кроме роли «зеркала». А на зеркало, как известно, «неча пенять, коли рожа крива».

На это можно возразить, во-первых, что роль зеркала неправомерно ограничивает потенциал искусства, а во-вторых, что и роль зеркала современное искусство играет неполноценно и неубедительно, показывая лишь одну сторону действительности – тёмную, мрачную, и не обращая

внимания на другую – светлую, радостную, дающую надежду и силы в борьбе со злом.

Искусство публично отказалось от воспитательной функции. К тому же надо заметить, что современное искусство с успехом выполняет функцию, о которой не принято говорить специально. Под прикрытием идей о смерти автора, оно превратилось в сферу самореализации определённого круга людей, которые обрушивают на читателя, зрителя, слушателя свои комплексы, последствия детских и недетских травм, свою неудовлетворенность собственной жизнью. Появилось огромное количество фильмов, которые не смотрят зрители, книг, которые не нужны читателям, художественных выставок, где нет картин и скульптур, кинофестивалей, где самое интересное – туалеты кинозвёзд. Искусство замкнулось само в себе.

Фактически мы сейчас являемся свидетелями акта самоубийства искусства. Но попытка самоубийства не всегда приводит к летальному исходу. Будем надеяться, что это наш случай. Надежда на возрождение искусства связана с приходом в эту сферу людей с глобальным мышлением, у которых стремление к самореализации сопряжено с чувством ответственности.

А пока этого не произошло, и чтобы это произошло, нужна прочная опора на культурное наследие. Человечеством накоплены огромные богатства, которым оно может пользоваться и до, и после того как современное искусство найдет какие-то новые формы своего развития.

Другой путь не только сохранения, но и увеличения роли искусства в современной культуре – это всемерное развитие художественного образования как неотъемлемой части общего образования и художественной самодеятельности, непрофессионального искусства всех жанров и видов.

И, наконец, для увеличения удельного веса искусства в современной культуре необходима общественная и государственная поддержка позитивных тенденций в его развитии.

Лидирующую роль в современной культуре играет наука. Однако, вопрос о том, может ли и должна ли она сохранять эту роль в складывающейся глобальной культуре, нуждается в теоретическом осмыслении именно с культурологических позиций. Вес и значение науки связаны не только, а может быть, и не столько с внутрикультурными факторами, сколько с социальными: уровень развития современного общества требует предельной рационализации всех сфер его жизни, и, в первую очередь, общественного производства, что и достигается средствами науки.

Опираясь на фундаментальное положение теории культуры о человекотворческой функции культуры, можно сделать вывод, что именно бурный рост науки настоятельно требует, в целях гармонического развития человека, соответствующей интенсификации развития других сфер культуры. Если наука культивирует человека знающего, рационального, искусство – человека чувствующего, то мораль объединяет все эти сущностные силы в человеке разумном. В необходимости очень плотного сопряжения развития

науки с развитием других сфер культуры убеждает и характер внутринаучных проблем. Одной из них является возрастание сложности и остроты этических коллизий, с которыми сталкиваются ученые, связанные, например, с клонированием человека и т.д. и т.п. Кроме того, наука как вид деятельности предъявляет высокие требования к креативному потенциалу личности, а лучшим способом его развития является искусство.

Важным обстоятельством является также то, что особенности современной социокультурной ситуации делают настоятельно необходимым формирование нового типа науки. Его черты: изменения в научной картине мира, главным из которых является включение в неё человека, гуманизация методологии, единство процессов интеграции и дифференциации, повышение роли гуманитарных наук.

Учитывая изложенное выше, можно сделать вывод, что вопрос о лидировании науки теряет смысл. Речь может идти о возрастании роли науки, которое сопряжено с необходимостью развития других сфер культуры и в первую очередь морали и искусства.

Сферой культуры, в которой человекотворческая функция, а через неё и программирующая функции культуры представлены наиболее наглядно, является образование и воспитание.

В своем выступлении на 2-м Российском культурологическом конгрессе я уже говорила о том, что идущая сейчас в нашей стране реформа образования не имеет чёткой целевой ориентации. Образ человека, формируемого образовательным процессом, размыт и неясен. Между тем, надо отдавать себе отчёт в том, “что образование без образа - это безобразия”¹⁶. Сейчас остаётся это повторить. Чтобы как-то способствовать ликвидации безобразия, можно попытаться перевести на язык обыденной жизни те теоретические положения, о которых речь шла в предыдущих разделах статьи. И здесь выясняется удивительная вещь: оказывается, современная глобальная ситуация сделала чрезвычайно востребованными те качества и свойства человека, которые значатся в моральных кодексах всех времён и народов – это трудолюбие и любовь к ближнему. Чрезвычайную актуальность обрело и так называемое золотое правило нравственности: «Никогда не делай другим того, что ты не хочешь, чтобы сделали тебе». Как считает уже упоминавшийся проф. Л. Харрисон «одно из достижений, в частности, северных обществ, в том, что они смогли создать среду, в которой люди живут по этому правилу»¹⁷.

В связи с этим возникает вопрос несколько эпатажного свойства: может быть, стоит педагогической науке сосредоточиться на разработке методик воспитания именно этих свойств и именно этих правил поведения. К ним можно было бы добавить ещё желание успеха, но не успеха вообще, а успеха, оцениваемого результатом собственного творческого труда. В сопряжении с таким воспитанием и образование обрело бы черты, соответствующие его сути – создание образа. В связи с этим хотелось бы поддеожать идеи, содержащиеся в статье С.А. Гончарова «Проблема

человека как основная проблема образования», публикуемой в настоящем номере.

Из сфер культуры, которые требуют к себе особого внимания, можно назвать ещё межличностное непосредственное общение. Хочется специально подчеркнуть, что речь идёт именно о непосредственном духовном общении, что особенно важно в настоящее время, когда невиданно возросли масштабы и возможности опосредованного общения – интернет, мобильная связь и т.д. и т.д. В общении удовлетворяется главная потребность человека – потребность в другом человеке. В непосредственном общении эта потребность удовлетворяется самым впечатляющим образом. В соответствии с этим развитую сферу общения можно считать одним из параметров теоретической модели должного состояния культуры.

Что касается таких важных сфер культуры как политическая культура, культура производства, культура повседневности, то нельзя не признать, что они являются производными от тех сфер культуры, о которых речь шла выше. То же можно сказать об экологической, экономической и других видах культуры, которые не являются самостоятельными сферами культуры, но являются стороной, аспектом различных видов деятельности человека¹⁸.

Однако, перестройка всей системы культуры, даже если она будет проведена наилучшим образом, даст свои плоды не ранее чем через 10-15 лет. Между тем, есть, как представляется, механизмы, способы, институты, используя которые, можно достичь определенных результатов гораздо быстрее. Здесь надо учесть то факт, что в культуре XX века произошёл так называемый «визуальный поворот», благодаря чему современный человек более восприимчив к информации, представленной в наглядной форме, и потому главным транслятором культурных образцов стали телевидение и кино. Всматриваясь в калейдоскоп образов, мелькающих на телевизионном и киноэкране, можно составить представление о культурной политике, проводимой в той или иной странен. Выводы относительно российского телевидения и кино будут в этом случае весьма неутешительными. Бандит, мошенник, гламурный подонок, существо, раздавленное обстоятельствами жизни и т.д. – таков набор образов, который предстаёт перед человеком, сознательно или подсознательно ставящим перед собой вопрос «делать жизнь с кого?».

Нельзя сбрасывать со счетов и такое средство «наглядной агитации» как реклама, которая обладает огромной силой внушения (суггестии), что объясняется её простотой, лаконичностью, повторяемостью. При этом речь может идти не только о социальной рекламе, но и о коммерческой рекламе товаров и услуг. Достаточно вспомнить о том, какую роль сыграла реклама в преодолении экономической депрессии в США 30-ых годов XX в. Общеизвестно, что широко улыбающийся человек, который смотрел на американцев со всех рекламных щитов, очень помог в преодолении настроений страха, беспомощности и неуверенности в себе.

Важнейшим направлением культурной политики должна стать поддержка всех видов самодеятельности в сфере досуга. До последнего времени уровень культурной активности населения было принято оценивать количеством театров, музеев, выставок и других учреждений и мероприятий, организованных и функционирующих усилиями профессионалов. Не отрицая значения этого направления, тем не менее, надо отдавать себе отчет в том, что наиболее плодотворным способом развития и совершенствования человека, преодоления инертности, пессимистических настроений, неверия в свои силы является его собственное творчество, участие в художественной самодеятельности, читательских конференциях, работе кружков по интересам и т.д. и т.п.

Огромное значение для развития творческих сил человека и одновременно таких свойств как коллективизм, ответственность, организованность и т.п. имеет самодеятельность с сфере так называемого «третьего времени». В отличие от первого (производственного) и второго (досугового) «третье время» более всего связывает человека с повседневным окружением, окружающей территорией – пространством «малой родины»¹⁹. При этом имеются ввиду такие виды деятельности как участие в работе органов муниципального управления, домовых комитетов, разного рода товариществ, организация местных выставок, музеев, мероприятий типа «праздников улицы» и т.п. Представляется, что забота о развитии «коммунальной самодеятельности», привязывающей человека к месту, дающей ему чувство причастности, должна быть положена в основу региональной культурной политики. Разумеется, осуществление этого принципа на региональном уровне возможно только в том случае, если он будет признан в качестве основополагающего на государственном уровне. Более того, проблема использования «второго» и «третьего» времени как времени в первую очередь самодеятельного имеет цивилизационные и глобальные аспекты. Заслуживает пристального внимания идея А.С. Панарина, полагавшего, что “только развитие – качественное и количественное – самодеятельного времени позволит повысить адаптивную способность цивилизации, её устойчивость к кризисам и способность к саморегуляции”²⁰.

Итак, на достижение главной цели культурной политики - развитие и реализация человеческого потенциала – должна работать культура в целом, взятая как в пространственном (сферы культуры), так и во временном аспектах («первое», «второе» и «третье» время). Однако, как представляется, формулировки цели культурной политики в столь общем виде недостаточно для того, чтобы она стала вдохновляющим ориентиром практической деятельности. В качестве такового необходимы некие стержневые идеи, совокупный смысл которых мог бы лежать в основе функционирования всей системы культуры в направлении развития всех сущностных сил человека на интегративной основе творческого характера всей его деятельности.

В качестве таких практически ориентированных идей можно выделить три основных (три кита!). Это - достигательная мотивация, созидание, патриотизм.

Идея достигательной мотивации заключается в том, что культура всеми своими средствами должна не только нацеливать человека на личный успех, но и давать ему представление о многообразии форм успешности, понимание того, что без достижения успеха в общественно полезном труде все остальные виды успеха не принесут полного удовлетворения и что без серьезных личных усилий никакой успех невозможен.

Идея созидания необходима как обозначение вектора всех усилий человека по достижению личного успеха, понимание которого зачастую формируется вне этого смыслового поля, когда успех трактуется как карьера или материальное благополучие, достигнутые любыми средствами, как известность, в том числе скандальная и т.д. и т.п.

Если идеи личного успеха и созидания как главного способа его достижения стимулируют развитие всех сил и способностей человека, то идея патриотизма позволяет гармонично связать личные и общественные интересы.

В условиях России речь должна идти о российском патриотизме, как о гражданском чувстве любви к своей стране – России - и деятельности, направленной на её благо. Так понимаемый патриотизм способствует объединению всех народов и этносов, населяющих Россию, и соответствует их интересам, и, кроме того, как говорилось ранее, выводит человека на глобальный уровень и, как ни парадоксально, служит хорошей основой международных отношений.

Важным моментом осмысления феномена культурной политики является принцип её многосубъектности, “отвечающий на вопросы, кем осуществляется культурная политика, чьи интересы проводит, чьи потребности удовлетворяет”²¹. В связи с этим возникает вопрос о возможности и необходимости единой государственной культурной политики. Представляется, что сомнения, возникающие в этой ситуации, имеют своей основой смешение понятий «единая» и «тоталитарная». Между тем понятия «единая», «единство» ни в коей мере не противоречат понятиям «разнообразие», в то время как смысл понятий «тоталитарная», «тоталитаризм», действительно включают в себя идеи противостояния всякого рода разнообразию.

Единая государственная культурная политика необходима для согласования разнонаправленных усилий различных субъектов культурной жизни в интересах общества как субъекта особого рода, жизнеспособность и развитие которого является условием удовлетворения интересов и потребностей всех социальных групп и каждой отдельной личности.

Главной целью единой государственной политики в нашей стране должно стать развитие и реализация человеческого потенциала, что превращает культуру в главный стратегический резерв общества.

Таким образом, антропологический принцип в культурологии, положенный в основу решения основных культурологических проблем от определения культуры до построения теоретической модели должного состояния культуры, является прочной теоретико-методологической основой для выработки принципов эффективной культурной политики.

- ¹ Семигин Г.Ю. Политика//Новая философская энциклопедия. В 4-х томах, т.3. М.,2010, с.269
- ² См. об этом: Громыко Ю.В. Антропологическая доктрина как основа продвижения России к мировому лидерству// Антропология политической эдентичности.-М..2006
- Гуров В.А. Об антропологическом измерении политики: «спор древних и новых» и некоторые его итоги на рубеже XX-XXI веков.//Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума, Вып.1 Под ред. Парцвания В.В. – СПб, СПб филос. о-во, 2003 г., с.75-85
- ³ Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека – М.: Мысль, 1984, с.25
- ⁴ Сагатовский В.Н. Сущностные силы человека// человек: деятельность, творчество, стиль мышления. – Симферополь, 1987, с.12
- ⁵ Шановский В.К. Диалектика сущностных сил человека. Киев, 1985, с.34
- ⁶ Круглова Л.К. Основы культурологи, СПб, 1994, с. 79; Круглова Л.К. Культурология, СПб, 2008, с.155
- ⁷ Л.К. Круглова. Философия культуры, теория культуры, культурология: место и роль в системе культуроведения, соотношение с философией и специальными науками.// Вопросы культурологи, 2009г. №1
- ⁸ Гаджиев К.С. Мировой экономической кризис: политико-культурное измерение // Вопросы философии, 2010, №6, с.13
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Харрисон Л. Почему в одних странах счастье есть, а в других его нет?, <http://newtimes.ru/articles/print/2795,05.07/2010>
- ¹¹ Там же.
- ¹² Круглова Л.К. Мультикультурализм, патриотизм, бинарные и полиарные модели культуры как ориентиры культурной идентификации молодежи в условиях глобализации. Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности. // Международная конференция «Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации», - СПб,2010. – с. 492 .
- ¹³ Вознесенский А. Соблазн. – М..1979.
- ¹⁴ Лоуренс Харрисон: «Почему в одних странах счастье есть, а в других его нет?», <http://newtimes.ru/articles/print/2795,05.07/2010>
- ¹⁵ Диалог Тойнби - Икеда: Человек должен выбирать сам. М., 1998, с 369-370.
- ¹⁶ Круглова Л.К. Универсальный гуманизм как основание разнообразия и единства культур//Фундаментальные проблемы культурологии. ТомVII, Культурное многообразие: теории и стратегии. М-СПб, 2008, с. 62
- ¹⁷ Ясин Е.Г. Новости – 8 апреля 2009 г. Культура имеет значение. <http://www.nse.ru.org/persons/yasin/news/7075536.html>
- ¹⁸ См. об этом: Круглова Л.К. Деятельностный срез структуры культуры.//Круглова Л.К. Теория культуры. Ч.2. Функции и структура культуры. Изд.2-е. СПб, 2009, с.201-208.
- ¹⁹ Панарин А.С. Философия политики. М..1996, с. 106-107
- ²⁰ Панарин А.С. Ук. Соч.- с.103
- ²¹ Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике. Опубликовано NonLin.ru, <http://nonlin.ru/print/229,page20>